

Г.И. Радде

23 000 миль на яхте "Тамара"

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11 **Г.И. Радде**
23 000 миль на яхте "Тамара": Том 1 / Г.И. Радде – М.: Книга по Требованию, 2024. – 331 с.

ISBN 978-5-458-13774-4

23 000 миль на яхте "Тамара". Путешествие их Императорских Высочеств Великих князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890-1891 годах. Путевые впечатления Г. И. Радде. Иллюстрировано Н. С. Самокишием. Том 1.

ISBN 978-5-458-13774-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

Впечатлѣнія и наброски

А. Л. Зандера.

Петергофъ. — Ревель. — Берега Англіи. — Островъ Уайтъ. — Саутгемптонъ. — Парижъ. — Въ Дієпѣ. — Въ Плимутѣ. — Бискайская бухта. — Гибралтаръ и Цеута. — Въ Средиземномъ морѣ. — Алжиръ. — Сирокко. — Неаполь и Везувій. — Экскурсія въ Помпею. — Сцила и Харибда. — Въ Элладѣ. — Пирейская гавань. — Въ Аѳинахъ. — Въ Татоѣ. — Босфоръ. — Севастополь.

была темная осенняя ночь. Небо покрылось тучами, сквозь причудливые контуры которыхъ тамъ и сямъ проглядывали звѣзды. Ночная тишина нарушалась только плескомъ гонимыхъ вѣтромъ волнъ, да изрѣдка окликомъ солнаго вахтенного матроса: »Кто гребеть?!«.

Вдалекѣ мелькали разбросанные по берегу огоньки Петергофа, постепенно погасая одинъ за другимъ, а на рейдѣ довольно мористо покачивалась красавица »Тамара«, ожидая своего Августѣйшаго хозяина.

Все готово къ отплытію завтра на разсвѣтѣ.

И такъ, завтра мы уходимъ!.. Давно желанный чистъ, наконецъ, насталъ; мы поплыvемъ въ страну баядерокъ, мы увидимъ Индію. Шутка-ли сказать — Индію!..

»Да неужели вы пойдете на этой »скорлупѣ« въ дальнее плаваніе?« спрашивали одни.

»Какъ! на этомъ »суденышкѣ« (каждаго нашего моряка передернуло-бы при такихъ сравненіяхъ) вы поплыvете въ океанъ!« удивлялись другие.

Съ Съвера на Югъ.

»Ну, однако, это рисковано: на такой яхточкѣ идти въ Индѣйскій океанъ!« заявляли трети, и между ними даже не мало моряковъ.

Правда, если бы подобную экспедицію предпринялъ какой-нибудь англичанинъ, американецъ или французъ, то, конечно, никто бы не удивился и не разговаривалъ-бы обѣ этомъ; у наѣ же такое предпріятіе породило много толковъ и разговоровъ.

Настала полночь. Проглянувшія было звѣзды спрятались за тучи; совершенно стемнѣло и началъ моросить дождь. »Кто гребеть?!«, послышался глухой голосъ вахтенного съ мостика. »Тамара«, отвѣтилъ густой басъ.

»Фалрепные на правую«, скомандовалъ старшій офицеръ, и мгновенно вся яхта освѣтилась своимъ чуднымъ электрическимъ свѣтомъ, и всѣ стояли готовыми на своихъ мѣстахъ.

Черезъ нѣсколько
минутъ ловко присталь къ
трапу паровой катеръ, изъ котораго
вышли: Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ,
Великіе Князья Георгій Александровичъ, Георгій,
Александръ и Сергій Михайловичи и нѣсколько чело-
вѣкъ свиты. — »Тамару« передъ ея уходомъ ожидала великая честь увидѣть
еще разъ Наслѣдника Цесаревича, который, въ сопровожденіи Великихъ Князей,
пріѣхалъ пожелать намъ доброго пути. Обойдя яхту, побесѣдовавъ и пожелавъ
намъ, за рюмкою доброй мадеры, счастливаго плаванія, Ихъ Императорскія Вы-
сочества, за исключеніемъ Августѣйшаго хозяина яхты, отбыли въ Александрію.

Настало 16-е августа 1890 года. Ровно въ 8 часовъ утра мы подняли
якорь — и »Тамара« тронулась въ путь.

Мы направились въ Кронштадтъ, гдѣ наѣ на рейдѣ радушно привѣтство-
вали »Держава«, »Память Азова« и »Императоръ Александръ II«; ихъ дружное
»ура« провожало наѣ до самыхъ выходныхъ бочекъ.

Менѣе радушно кивалъ намъ со щтурманской рубки зловѣщій конусъ,
предсказывая близкій штормъ. Надѣясь, однако, на Бога и на всесильное рус-
ское »авось«, мы продолжали путь, позабывъ предсказаніе конуса.

По выходѣ въ Финскій заливъ, наѣ стало покачивать; но »Тамарочка« съ
такою легкостью и изяществомъ скользила по волнамъ, что о качкѣ не могло
быть и рѣчи.

Съ Сѣвера на Югъ.

Сѣрыми свинцовыми тучами заволокло небо; дождь накрапывалъ большиими, рѣдкими каплями. Завтракъ, сервированный въ верхней рубкѣ, прошелъ очень весело и оживленно, и ни на комъ еще не было видно симптомовъ морской болѣзни; никто еще не поддался этому морскому бичу. Увы! Недолго мы наслаждались этимъ спокойствіемъ! Конусъ, повидимому, не желалъ оставаться въ долгѣ и начиналь оправдывать свое предсказаніе...

Небо покрылось темными, грозными тучами; вдалекѣ появились барашки, и сталъ задувать вѣтеръ. Верхушки волнъ срывались и летѣли на палубу, обдавая любопытныхъ холоднымъ душемъ.

Было 3 часа дня. Мы подходили къ острову Гогландъ.

»Закрыть всѣ люки! задраить всѣ иллюминаторы! осмотрѣть все!« — раздалась спокойная команда съ мостика.

И это было какъ разъ во-время. Въ воздухѣ чувствовалось что-то неладное. Небо мгновенно почернѣло; зловѣщія, причудливой формы, облака низко неслись надъ нами съ неимовѣрною скоростью, а волны, поднимаясь все выше и выше, превращались въ цѣлые горы и еженымъ шумомъ, опрокидыва Скалистые берега Гогланда свѣтомъ, а пѣнистыя волны и ревомъ разбивались объ разилась страшная буря, и заливъ превратился какъ-бы въ цѣлый океанъ. Ливня лилъ ложь, а брызги волнъ заливали и осипали все ёдкимъ солянымъ налетомъ. Кругомъ нась кипѣла и шумѣла вода, превратившаяся въ сплошную пѣну, и бѣдная »Тамара« нервно содрогалась подъ ударами чисто-океанскихъ волнъ.

Съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣли съ мостика на расходившуюся стихію Великій Князь Александръ Михайловичъ и нашъ капитанъ, время отъ времени отдавая приказанія.

минутно, со страшлись на палубу. — освѣщались луннымъ расходившагося моря съ шумомъ острыя скалы опаснаго острова. Раз

— III —

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

Въ верхней рубке лежалъ докторъ и безсознательно созерцалъ эту грозную картину природы...

— Ну, что? спросилъ его Великій Князь, спустившійся въ рубку, чтобы отереть лицо и глаза отъ слипавшей ихъ соли.

— Ничего! отвѣтилъ докторъ въ мінорномъ тонѣ, — дѣла нации, кажется, не важны!

— Да, да, необыкновенный штурмъ; но яхта — идеальна! Посмотрите, какъ она чудно держится на волнѣ.

Докторъ что-то промычалъ въ отвѣтъ, смутилъ сознавая блестящія качества яхты; какъ вдругъ страшный ударъ пробудилъ его изъ апатіи.

— Пресвятая Богородица, спаси и помилуй: погибаемъ! кричитъ, влстая въ рубку, обезумѣвшій отъ страха буфетчикъ М.

Великій Князь поспѣшилъ къ капитану.

— Ваше высокоблагородіе, продолжалъ буфетчикъ, все кончено! выломало двери у передняго люка и вода безъ удержанія валитъ въ корридоръ; въ салонѣ и въ каютахъ уже по колѣно воды. О, Господи! неужели придется здѣсь погибать!

Прислуга вся тоже растерялась, и даже старые матросы не выдержали такого натиска: всѣхъ укачало...

Поломанный люкъ, однако, въ нѣсколько минутъ заколачиваются досками, затягиваются парусиной и ставятся преграду разрушающей стихіи.

На палубѣ цѣлое море. Вода то приливаетъ, то отливаетъ, образуя каскады, въ которыхъ плаваютъ корзины, ящики, куры, утки и разная домашняя утварь. Вѣтеръ неистово реветъ и свиститъ въ снастяхъ, а разъяренныя волны бьютъ немилосердно борты нашей бѣдной »Тамарочки«, которую бросаетъ, какъ скорлупку.

По временамъ вѣтеръ немного стихаетъ, чтобы въ слѣдующую минуту заревѣть еще съ большею силою.

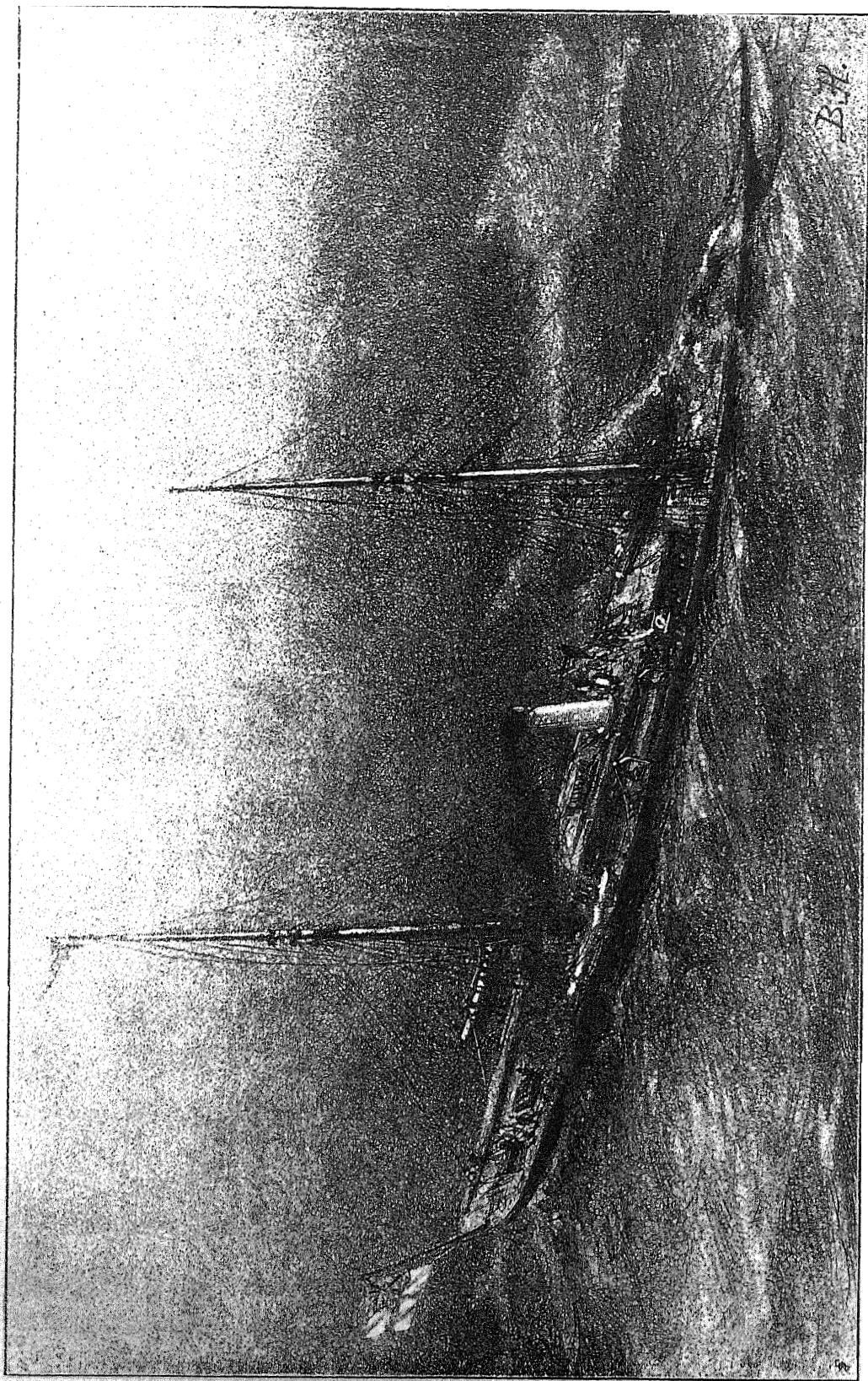
А Гогландъ все передъ нами. Только поздно къ вечеру, когда уже совершенно стемнѣло, мы миновали этотъ злосчастный островъ.

Всѣ свободно вздохнули: главная опасность — разбиться объ острыя скалы Гогланда — миновала; но буря еще долго завывала, стихая постепенно, по мѣрѣ приближенія утра. Всѣ свободные отъ службы спустились внизъ, усталые и изнеможенные; болѣе же всѣхъ были утомлены Великій Князь и командиръ, простоявшіе весь штурмъ на мостикѣ.

Въ 4 часа утра вѣтеръ заревѣль съ новою силою, но это былъ только слабый отголосокъ вчерашняго. Измокшіе и усталые, мы порѣшили зайдти въ Ревель, куда и взяли курсъ.

Утромъ мы увидѣли издалека шпицъ старика Олай, а въ 1 часъ дня бросили якорь на Ревельскомъ рейдѣ, вблизи клипера »Стрѣлокъ«.

Сколько разсказовъ, сколько разспросовъ ожидало настъ здѣсь! Только и слышно было: »у настъ унесло всѣ шлюпки, которые стояли на дрекѣ«. »А нашу машину подрейфовало, и мы еле удержались на двухъ якоряхъ«, говорили офи-

Яхта „Тамара“ во время шторма.

Съ Съвера на Югъ.

церы »Нервенца«. Особенно ръяно и одушевленно бесѣдовали мичмана, подкрѣпляя себя мадерой.

Но нашему удивленію не было границъ, когда мы увидѣли опустошенія и бѣдствія, надѣланныя бурею на берегу. Что сдѣлалось съ чуднымъ Екатеринентальскимъ паркомъ! На каждомъ шагу лежали столѣтнія деревья, вырванныя съ корнями. Громадные дубы, стройныя березы, ели, тополи, ивы — все это валялось въ беспорядкѣ, въ какихъ-то безобразныхъ грудахъ.

Въ Ревель провели время, какъ подобаетъ въ аккуратномъ, монотонномъ, скучномъ городѣ бургеровъ: мирно и покойно; побродили по улицамъ, зашли въ кондитерскую знаменитаго »Штуде«, выпили кофе съ плохими сливками въ Ека-

териненталѣ и вернулись на яхту.

Просушившись и отдохнувъ, мы на другой день, послѣ завтрака на радушномъ »Стрѣлкѣ«, продолжали путь, освѣдомившись раныше телеграммой о состояніи предстоящей погоды. Отвѣтъ былъ самый успокоительный: ожидаются штили. — Пріятная перспектива, — и мы съ легкимъ сердцемъ поплыли.

Не успѣли мы потерять изъ виду Ревель, какъ опять засвѣжѣло. Опять заморосиль дождь, закрѣпчалъ вѣтеръ, и пошелъ свистъ и стонъ. Къ счастью, это было къ ночи, и всѣ, кромѣ вахтенныхъ, предались объятіямъ Морфея.

Наступившее утро оказалось не лучше ночи. Качало изрядно, и хотя Великій Князь и увѣрялъ, что яхта идеально держится на волнѣ, что это положительно утка, и что никакого перебоя въ винтѣ не слышно, но докторъ и казакъ (гр. Граббе) никакъ не могли свыкнуться съ плавными движеніями этой

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

»утки« и чувствовали себя прескверно. Завтракъ прошелъ вяло: не доставало нѣ сколькихъ членовъ компаний, которые въ это время »отдавали дань Нептуну«.

Къ 4-мъ часамъ стало стихать, и когда мы уже проходили островъ Готландъ, »данныки Нептуна« появились наконецъ на мостикѣ; они восхищались природой и моремъ, смеялись и остроили, какъ ни въ чёмъ не бывало. Всѣ страданія, всѣ ужасы были забыты...

Обѣдъ отличался ужас весельемъ и оживленіемъ. Павелъ Ивановичъ, паникъ поваръ *par excellence*, былъ на высотѣ своего поварскаго призванія. Борщи съ ватрушками и остальные нумера меню оказались превосходными. Нѣсколько рюмокъ прекрасной мадеры и отличнаго »Карданаха« развязали всѣмъ языки, и пошла бесѣда...

Раздались на піанино, изъ подъ пальцевъ воспрянувшаго доктора, звуки не то польки, не то мазурки; дикія рулады и импровизованные аккорды дерзко нарушали тишину безбрежнаго пространства. Съ этой страстной музыкой слились потомъ нѣжные звуки родной балалайки, изъ которой нашъ казакъ извлекалъ »дзинь, дзинь, дзинь« — свою единственную мелодію »Ахъ, ты кумушка«.

А вотъ и наверху послышались звуки гармоніи и бубна, затянули матросики пѣсню и — »пошла писать губернія!«...

Что сказать про слѣдующіе дни? Начинается то однообразіе, которое неизбѣжно въ морѣ. Для характеристики приведу нѣсколько замѣтокъ изъ дневника.

»20 августа. Чудный день. Небо чисто, и солнце свѣтитъ во-всю, но не грѣеть, такъ какъ дуетъ довольно свѣжій вѣтерокъ. Видны берега. Завтракъ прошелъ вяло. Читаемъ мало, бесѣдуемъ больше, спимъ еще больше. Въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ подошли къ Копенгагену и взяли лоцмана. Какъ привѣтливо свѣтятъ и манятъ веселые огоньки Копенгагена и Гельсингѣра! Какъ стремится *dahin, dahin* нашъ казакъ! Все тщетно: преспокойно проходимъ мимо... »Не плачь, казакъ, во тьмѣ ночной«...

»21 августа. Превосходный день. Прохладно, легко дышется свѣжимъ, чистымъ, прозрачнымъ морскимъ воздухомъ, который придаетъ добрый аппетитъ, хорошее настроеніе и — еще лучшій сонъ. Да, ъдимъ хорошо и много, спимъ еще больше и еще лучше!

Огибаемъ Скагенъ. Начинаетъ покачивать. Вечеромъ игра на балалайкѣ съ аккомпанементомъ піанино. Концертъ кончился фатально: балалаечникъ сдалъ и сдѣлался »жертвою Нептуна«.

Но не стоитъ продолжать выписки изъ дневника: одинъ день похожъ на другой стереотипно; надо только упомянуть объ одномъ происшествіи, которое заняло все наше вниманіе.

У скалистыхъ береговъ Англіи нась застигъ туманъ, да такой густой, что нось яхты, казалось, упирался въ опущенный флеръ. Все гуще и гуще ложился туманъ на гладкую поверхность моря, такъ что черезъ четверть часа передъ

Съ Сѣвера на Югъ.

нами стояла какая-то непроницаемая стѣна. Уменьшили ходъ; загудѣлъ ревунъ; кругомъ ни зги не видно. Сыро, холодно; непрѣятная дрожь пронизываетъ все тѣло.

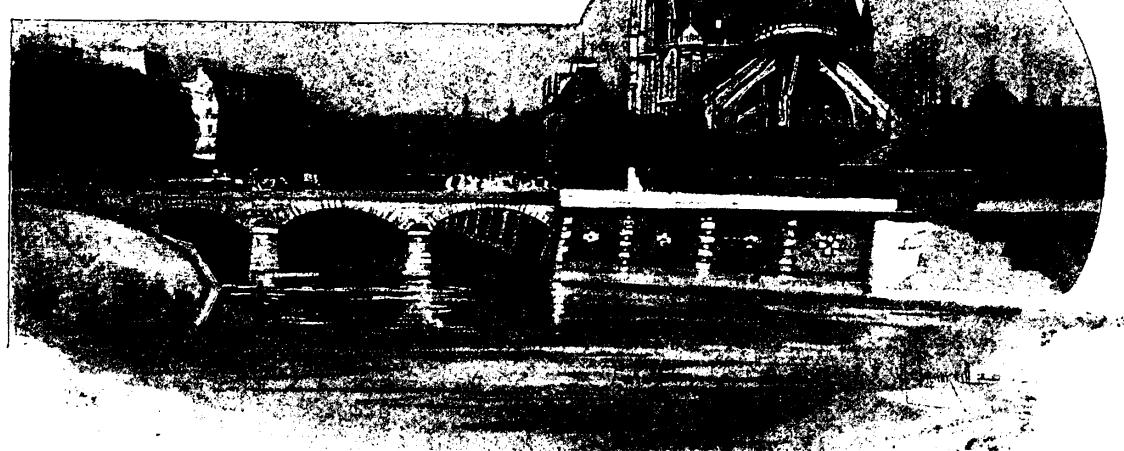
Къ счастью, скоро задулъ вѣтерокъ и сорвалъ густой вуаль тумана; постепенно стало проясняться, и мы увидѣли сначала какіе-то неясные контуры, а потомъ ясно и отчетливо — кру

тые, скалистые берега роконечныя башни къ себѣ, а тамъ, вистаго берега.

Опредѣливши мѣсто, мы ускорили ходъ, спѣша къ

мѣсту назначенія.

Проходя островъ Уайтъ, любимѣйшее лѣтнєе мѣстопребываніе англичанъ,

съ его прелестнымъ бѣлымъ дворцомъ и множествомъ дачъ и виллъ, утопающихъ въ роскошной зелени, съ его знаменитымъ пляжемъ и съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ самыхъ разнообразныхъ яхтъ и яхточекъ, — »Тамара« съ достоинствомъ отвѣчала на предупредительные салюты своихъ многочисленныхъ собратьевъ, гордо скользила по волнамъ, продолжая намѣченный себѣ путь, и въ 9 часовъ утра, 24 августа, прибыла въ Соутгэмптонъ, — въ этотъ первый, назначенный по расписанію, — портъ, но, по стечению обстоятельствъ и по волѣ судебъ, оказавшійся вторымъ.

Въ Соутгэмптонѣ мы застали самый разгаръ стачки угольщиковъ и доковыхъ рабочихъ. Съ первыхъ шаговъ на берегу, мы замѣтили осадное положеніе. На всѣхъ углахъ вооруженная полиція и войска, а тутъ-же, на набережной, сотня бастующихъ рабочихъ съ дикими, озлобленными физіономіями. Картина, во истину, непривлекательная! Здѣсь мы приняли заказанный раньше паровой катеръ, или вѣрнѣе — катерокъ, легкій и изящный, достойный сынъ »Тамарочки«.

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

Продѣлавъ всевозможныя эволюціи, проскакивая то подъ носомъ, то подъ кормой лавирующихъ яхтъ и сноуящихъ пароходовъ, катеръ оказался во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ, и былъ въ тотъ же день съ триумфомъ подняты на палубу и поставленъ на мѣсто, на правой сторонѣ яхты.

На другой день мы укатили по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, а тамъ дальше, черезъ Дувръ и проливъ — въ Парижъ. Въ Лондонѣ мы останавливались лишь нѣсколько часовъ; за то въ Парижѣ пробыли цѣлыхъ четыре дня!

Что мнѣ сказать о Парижѣ. Это не городъ, а — цѣлый міръ. Чтобы быть краткимъ, сознаюсь, что мы провели время такъ, что было некогда скучать. «И только-то? о Парижѣ?» спросить любознательные и недовольные читательница или читатель. — Да! Потому что о Парижѣ можно писать или цѣлые томы, или — обойти вовсе молчаніемъ. Я предпочитаю второе, такъ какъ на первое довольно потрачено труда, бумаги и чернилъ.

Объ одномъ должень съ удовольствиемъ упомянуть, это о 30-мъ августа, проведенномъ уже въ Діеппѣ, въ кругу симпатичнѣйшихъ, прелюбезныхъ и милѣйшихъ соотечественницъ и соотечественниковъ. Это былъ на славу удавшійся день безконечнаго веселья и юмора! Мы хотели до упаду и сожалѣли, что этотъ день былъ такъ кратокъ, и что мы должны такъ скоро оставить веселую компанию.

Съ быстротою 20-ти узловъ въ часъ, мы пересѣкали каналъ и съ молніеноснымъ поѣздомъ помчались черезъ Лондонъ въ Саутгэмптонъ, гдѣ настѣнѣ яхта, уже готовая къ отплытію. Сѣсть на яхту и сняться съ якоря было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, чтобы уже на слѣдующее утро опять бросить якорь на рейдѣ Плимута, куда пришелъ фрегатъ «Память Азова» съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Завтракъ на фрегатѣ, куда мы были приглашены, прошелъ весело и оживленно: преобладали, конечно, морскіе разговоры, въ которыхъ штурмъ и наводненіе 16-го августа играли не послѣднюю роль. Менѣ удаченъ былъ завтракъ въ кулинарномъ отношеніи, и нашъ Павелъ Ивановичъ куда «заткнулъ за поясъ» метрдотельствующаго на «Азовѣ», когда-то всему Петербургу извѣстнаго — Понсѣ.

Тотчасъ-же послѣ завтрака мы распостились съ Великимъ Княземъ, и въ 2 часа уже были въ пути. Вы видите, читатель, что мы не особенно мѣшали и не теряли напрасно времени, а стремились все впередъ, все впередъ...

Предстояло пересѣчь пресловутую, вѣчно бурную Бискайскую бухту или, какъ ее попросту называютъ, «Бискайку». Впрочемъ, на этотъ разъ она была довольно милостива, и вотъ что отмѣчено въ моемъ дневникѣ:

»3 сентября. Мы въ Бискайкѣ. Мертвая зыбь, и настѣнѣ мотаетъ съ борта на бортъ. Одни ёдятъ съ волчьимъ аппетитомъ; другіе больше глядятъ; особенно фатально эта качка отражается на новобранцахъ: они блѣдны и ничего не ёдятъ, зато старые матросы уплетаютъ за четверыхъ.«

»4 сентября. Мотало всю ночь, да и теперь продолжаетъ мотать. Великій Князь восхищается чудными качествами яхты; нашъ молчаливый капитанъ вполнѣ